

История

Научная статья
УДК 351.74
EDN: WFXAGC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-140-148>

«Теневая экономика» ГУЛАГа: на примере Западной Сибири в 30-е годы XX в.

М.А. Трухин

Алтайский институт экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия

Аннотация. Теневая экономика наносила серьезный урон финансовой государственной структуре СССР, что негативно сказывалось на пополнении бюджета, а также угрожало поддержанию общественного порядка и ухудшало криминогенную ситуацию. Командно-административная система в Советском Союзе окончательно установилась в 30-х годах прошлого столетия. Она была основана на распределении материальных благ, которых катастрофически не хватало, а запрет в стране предпринимательской деятельности, трактовавшейся как уголовное преступление (спекуляция), усугублял ситуацию. Все это способствовало возникновению и распространению теневых экономических отношений. Ограничение финансовой деятельности особенно отразилось на содержании заключенных в подразделениях ГУЛАГа НКВД СССР, ужесточив регламент существующего режима. Желание обогатиться любой ценой провоцировало работников пенитенциарной системы заниматься незаконной предпринимательской деятельностью. В местах лишения свободы фиксировались многочисленные случаи хищения государственных средств, приписки, факты продажи государственного имущества, что создавало тяжелые санитарно-бытовые условия содержания заключенных. К тому же фиксировались факты нелегального оборота алкоголя, оружия, наркотических и других запрещенных средств, а также организации азартных игр, что угрожало системе безопасности в тюрьмах, исправительно-трудовых колониях и исправительно-трудовых лагерях. Приводило к случаям нападения на охрану, побегам осужденных, убийствам и нанесению телесных повреждений как надзирательскому составу, так и самим осужденным. Во многом это было связано с деятельностью преступного элемента, сконцентрированного в одном месте. Серьезной проблемой оставалась недостаточная, носившая часто формальный характер, воспитательная работа среди личного состава ГУЛАГа НКВД СССР. В Западно-Сибирском регионе сотрудники правоохранительных органов осуществляли серьезные меры по борьбе и профилактике теневых экономических отношений в советской пенитенциарной системе, в том числе с привлечением агентурно-осведомительного аппарата и проведением плановых и внезапных проверок финансовой деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Ключевые слова: ГУЛАГ НКВД СССР, теневая экономика, пенитенциарная система, Западная Сибирь, 30-е годы, охрана, хищения, промоты, воспитательный процесс, тюрьмы, исправительно-трудовые учреждения

Для цитирования: Трухин М.А. «Теневая экономика» ГУЛАГа: на примере Западной Сибири в 30-е годы XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 140–148. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-140-148. EDN: WFXAGC.

History

Original article

“The shadow economy of the Gulag”: on the example of Western Siberia in the 30s of the XX century

Maxim A. Trukhin

Altai Institute of Economics St. Petersburg University of Technology Management and Economics, Barnaul, Russia

Abstract. The shadow economy caused serious damage to the financial state structure of the USSR, which negatively affected budget replenishment, and also threatened the maintenance of public order and worsened the crime situation. The command-administrative system in the Soviet Union was finally established in the 30s of the last century, based on the distribution of material goods, which led to a shortage of goods and services. This contributed to the spread of shadow economic relations, due to the ban

© Трухин М.А., 2024

in the country on engaging in entrepreneurial activities, which was interpreted as a criminal offense - speculation. The restriction of financial activity was aggravated by the existing strict regulations for the regime of detention of prisoners in the Gulag units of the NKVD of the USSR. Engagement in illegal business activities was provoked by the desire to get rich at any cost, difficult sanitary and living conditions for prisoners, as well as poor-quality medical care. In places of deprivation of liberty, numerous cases of theft of public funds, registrations, sales of property, organization of gambling, etc. were recorded. In addition, illegal trafficking in places of deprivation of liberty was also recorded: alcohol, weapons, drugs and other prohibited things, which threatened the security system in prisons, forced labor colonies and forced labor camps, contributed to attacks on guards, escapes of convicts, and murders and causing bodily harm to both the supervisory staff and the convicts themselves. This was largely due to the activities of a criminal element concentrated in one place. A serious problem remained the insufficient, often formal, educational work among the personnel of the Gulag of the NKVD of the USSR. Law enforcement officials carried out measures to combat and prevent shadow economic relations in the Soviet penitentiary system in the West Siberian region, including with the involvement of intelligence agencies and conducting scheduled and unannounced inspections of the financial activities of correctional labor institutions.

Keywords: GULAG of the NKVD of the USSR, shadow economy, penitentiary system, Western Siberia, the 30s, security, theft, squander, educational process, prisons, correctional labor institutions

For citation: Trukhin M.A. (2024) "The shadow economy of the Gulag": on the example of Western Siberia in the 30s of the XX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 140-148. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-140-148. EDN: WFXAGC.

В советский период серьезных исследовательских работ по заявленной тематике проведено не было в связи с закрытостью темы в отношении деятельности правоохранительных органов. Документы, раскрывающие нелегальные, «подпольные» экономические отношения имели гриф «секретно» или «совершенно секретно», соответственно не были доступны для ученых и не подлежали публикации в открытых источниках.

Историография экономической деятельности советской пенитенциарной системы представлена многочисленными работами, как правило, опубликованными уже после распада СССР, прежде всего, в связи с доступом к архивным источникам: (Иванова, 1997; Захарченко, 2009; Иванова, 2006; Тимохова, 2015; Упоров, 2017 и др.). Ряд научных статей был посвящен деятельности пенитенциарных учреждений, находившихся непосредственно в Западной Сибири (Бикметов, 2004; Уйманов, 2011; Уйманов, 2016; Науменко, Альмухаметова, Пинигин, 2023; Малкова, 2012 и др.). Были осуществлены исследования и по вопросам, связанным с «теневой экономикой» советского периода (Богданов, 2013; Ногина, Ушмаева, 2020), но комплексных, фундаментальных работ по изучению «теневых» экономических процессов в отдельно взятом регионе (Западная Сибирь), в определенный период (30-е годы прошлого столетия) в местах лишения свободы так и не было подготовлено, что подтверждает актуальность данного исследования.

Определение «теневая экономика» (ТЭ), давалось рядом исследователей. Под «теневой эконо-

микой» понимается, прежде всего, любая экономическая деятельность, в том числе и противоправная, в результате чего прибыль не подлежит государственному налогообложению (Суверов, 2008. С. 3)¹. Также, под ТЭ понимали совокупность неучтенных, нерегламентированных и противоправных видов экономической деятельности (Головин, Шохин, 1990), «теневую экономику» рассматривали как определенную аномалию при отсутствии зарегистрированных сделок (Ореховский, 1996) и др. «Теневые» экономические отношения в рассматриваемый период выражались в разнообразной нелегальной деятельности (приносящий прибыль), в том числе и в местах заключения (Трухин, 2023. С. 99).

Рамки данного исследования ограничены территорией Западной Сибири, в настоящее время в нее входят: Алтайский край, Новосибирская, Томская, Тюменская, Омская, Кемеровская области и Республика Алтай. 30-е годы прошлого века включают в себя период с 1930 по 1939 гг., это время становления советской пенитенциарной системы, образование НКВД СССР в 1934 г., усиление карательной государственной политики, подготовки советского государства и общества ко II Мировой войне.

В рассматриваемый период исправительно-трудовые учреждения приобретают многоуровне-

¹ Суверов Е.В. Теневая экономика : учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2008. 71 с.

вую систему, в основе которой была заложена идея перевоспитания правонарушителей с помощью обязательной трудовой деятельности в совокупности с активной коммунистической пропагандой. Однако приоритетным направлением всей советской пенитенциарной системы оставалось выполнение производственного плана, нередко любой ценой и в ущерб воспитательному процессу. В подчинении ГУЛАГа НКВД СССР (Главного управления исправительно-трудовых лагерей) числились тюрьмы, исправительно-трудовые колонии (ИТК), исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), колонии для несовершеннолетних.

В тюремных корпусах содержались под охраной подследственные заключенные, а также лица, осужденные за совершенные преступления и привлекаемые к различным хозяйственным работам (приготовление и доставка пищи, строительство и ремонт, заготовка топлива и продовольствия, ремонт одежды и обуви и т. д.). С 1938 г. советским тюрьмам стали присваивать свои номера, они имели свою специализацию и располагались во всех краевых и областных центрах, а также крупных населенных пунктах Западной Сибири. Множество сибирских тюрем находилось еще в старых, дореволюционных постройках или конфискованных бывших церковных помещениях.

В исправительно-трудовых колониях, имевших, как правило, местное значение, направляли осужденных на незначительные сроки, где они трудились на небольших предприятиях. ИТЛ же решали стратегические задачи, создававшиеся для масштабного строительства, где отбывали свой более солидный срок наказания осужденные граждане на срок более 3-х лет. Колонии для несовершеннолетних принимали детей и подростков, совершивших правонарушения, в Советском Союзе за отдельные преступления уголовное наказание возникало уже с 12-летнего возраста. Между администрацией исправительно-трудовых учреждений и руководителями ближайших от них колхозов, совхозов, фабрик и заводов, строительных организаций устанавливались тесные контакты (порой не совсем легальные) по поводу направления заключенных на работы на их объекты за вознаграждение, которое «оседало» в карманах некоторых руководителей.

В ходе усиления репрессивной государственной политики, ужесточения репрессий в изучаемый период наблюдалось увеличение численности спецконтингента. Пик этой кампании пришелся на 1937–1938 гг. и был связан во многом с личностью наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, всячески поощрявшего репрессии, максимально разогнавший ее маховик. В регионе происходили аресты и задержания «врагов народа» в плановом порядке. К слову сказать, что преследованию подвергались не только противники советской власти, но и представители разношерстного преступного мира.

ГУЛАГ НКВД СССР находился на самообкупе, вследствие чего в исправительно-трудовых лагерях было налажено производство одежды, обуви, продуктов питания для заключенных, предметов, обеспечивающих внутренние нужды, с помощью трудовой деятельности з/к происходило строительство и ремонт жилых помещений. Но качество продукции, изготовленной в ГУЛАГе, и производительность труда заключенных были все же низкие, требовавшие государственных дотаций (Дробышевская, 2023. С. 25). Это было связано с недостаточной мотивацией, преобладанием ручного труда и тяжелыми санитарно-бытовыми условиями содержания спецконтингента. Ради экономии средств множество должностей административного, инженерного, медицинского персонала и даже охраны замещалось самими осужденными, что провоцировало нарушение социалистической законности в экономической сфере.

Причинами возникновения нелегальных отношений в сфере экономики был и так называемый человеческий фактор, выражаемый в страстных желаниях обладания богатством, стремлением к роскошному образу жизни, любви к деньгам отдельных категорий граждан. Как показал опыт советского периода, этот порок не удалось искоренить официальной пропагандой ни в результате «привития» у населения коммунистических идеалов, ни в результате суровой государственной карательной политики в отношении экономических преступлений.

Способствовал развитию ТЭ в местах лишения свободы острый дефицит продуктов питания, одежды, медикаментов и т. д. Особой ценностью у осужденных считался табак, нередко совместно с хлебом, ставшие специфической валютой, с помо-

щью которой можно было приобрести (поменять) необходимую вещь или заказать услугу. Соответственно существовавший спрос удовлетворялся спекулянтами, расхитителями социалистической собственностью всех мастей.

Государственный аппарат в СССР регулировал связи между отдельными ячейками производства, определяя, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не рынок, а планирующие органы государства решали, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять (Нуреев, Гретченко, 2008. С. 141–142).

Испытывающие постоянный голод и лишения осужденные были вынуждены совершать кражи, реализовывать казенную одежду, обувь, материалы и инструменты вольнонаемным работникам исправительно-трудовой системы, а также другим гражданским лицам для приобретения, прежде всего, продуктов питания. Нередко и представители уголовно-бандитского элемента продавали украденные вещи с целью приобретения товаров, запрещенных к употреблению в местах лишения свободы.

Часть административного корпуса совместно с бухгалтерами умышленно искажали статистические данные, рапортуя о якобы выполненном производственном плане (осуществляя т. н. «приписки»), получая за это материальные поощрения в виде премий. Часто руководство ИТУ, так или иначе, было замешано в различных махинациях, с целью выполнения государственного задания, не исключая при этом возможность использовать противозаконные методы.

Грубое нарушение режима содержания со стороны заключенных отрицательной направленности было тесно связано с ТЭ (организация карточных игр, пользование и реализация запрещенных предметов – ножей, денег, писем), нередко это происходило при явном или молчаливом содействии коррумпированных сотрудников НКВД (прежде всего, надзирателей и охранников).

Бесплатный труд заключенных в своих целях использовал не только аттестованный состав, но и вольнонаемные работники народного комиссариата внутренних дел. Осужденных мужчин направляли на физически тяжелые работы, они участвовали

в строительстве, заготовке дров, полевых работах, рыбной ловле и т. д., женщины з/к использовались, как правило, в качестве домашней прислуги, на сельскохозяйственных работах, на предприятиях легкой промышленности. При этом заключенные не получали оплаты, а для выписывания им ежедневного казенного продуктового пайка фальсифицировались производственные показатели, им записывались неосуществленные работы. В производственных цехах силами осужденных организовывалось изготовление вещей личного потребления, которые присваивались самими сотрудниками или реализовывались по спекулятивным ценам. При этом не следовало забывать о том, что для изготовления этих товаров активно использовалось государственное сырье, инструмент, помещения, а также электроэнергия.

Кадровый вопрос в правоохранительных органах не был решен в изучаемое время. Вследствие чего в систему НКВД СССР попадало много случайных людей, которые становились на преступный путь ради личной выгоды. Только за 3 месяца 1939 г. в Чистюньском отделении Сибирского ИТЛ было похищено казенного обмундирования на сумму в 23000 рублей (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 180. Л. 37).

Массовым явлением в ГУЛАГе стали кражи продуктов на складах и кухне, в итоге итак небольшой паек заключенных значительно уменьшался, что приводило к ослаблению, заболеваниям и ранней смерти осужденных. Представители бандитско-воровского элемента и их приближенные паразитировали за счет других заключенных, дискредитируя саму идею исправления преступников с помощью честной трудовой деятельности. Тайные хищения в советской пенитенциарной системе представляли государственную угрозу в связи с увеличением риска невыполнения планового задания.

За взятку представителю администрации исправительно-трудового учреждения можно было получить «теплое место», улучшить свои жилищные условия, повысить качество питания, время отдыха (ГУЛАГ: экономика..., 2008. С. 157). «Продажные» надзиратели не гнушались воровством и в отношении спецконтингента (в основном похищалась еда итак из скудного продуктового лагерного котла, а также личные вещи заключенных).

Старший надзиратель тюрьмы № 1 города Новосибирска Сучков присвоил 70 рублей, принадлежавших заключенному Молчанову, он регулярно питался за счет продуктов, предназначенных для арестантов (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 263. Л. 179).

Периодически проходили «чистки» личного состава правоохранительных органов, замеченных в злоупотреблениях служебным положением, часть из которых оказывалась на скамье подсудимых. Так в 1930 г. надзиратели военизированной охраны Мариинского отделения Сиблona И.К. Березин, В.С. Ражин, С.Н. Кабанцев за систематическое пьянство, присвоение средств з/к, угрозы огнестрельным оружием, избиения заключенных были осуждены: И.К. Березин на 8 лет лишения свободы, В.С. Ражин на 7 лет лишения свободы, С.Н. Кабанцев на 7 лет лишения свободы (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 47). В целом кадровый состав, проходивший службу в подразделениях пенитенциарной системы Западной Сибири, имел серьезные проблемы с образовательным и культурным уровнями развития, морально-волевыми качествами, профессиональной подготовкой. Это было связано с невысокой степенью престижа службы в ГУЛАГе, недостаточным финансовым вознаграждением, отдаленностью от очагов цивилизации объектов охраны, частой сменой руководителей, «чисткой» личного состава.

Экономические преступления разного уровня, совершаемые сотрудниками НКВД СССР, были связаны, прежде всего, с серьезными кадровыми проблемами в системе и недостаточно эффективной воспитательной работой, которая часто носила формальный характер.

Бандитско-воровской элемент в местах лишения свободы отличался высокой степенью сплоченностью, дерзким поведением в отношении администрации исправительно-трудовых учреждений, а также стойким желанием вести паразитический образ жизни за счет других осужденных (отказ от обязательной трудовой деятельности), совершением преступных деяний. Вследствие чего т. н. «урки» умышленно шли не только на нарушение режима содержания, но и всего социалистического законодательства, ради получения льгот и прибыли от своей незаконной дея-

тельности. В учреждениях советской пенитенциарной системы, в среде спецконтингента, нередко были случаи карточных игр, где разыгрывались вещи, продукты питания и деньги, иногда на «кон» ставилась и жизнь другого человека. При этом профессиональные картежники с помощью обмана часто становились победителями в этих незаконных играх. В «зоне» распространенным была и реализация по спекулятивным ценам дефицитных или запрещенных к употреблению товаров» (алкоголя, наркотических веществ и др.). При этом коррумпированные надзиратели и охранники охотно шли на сотрудничество с преступным элементом ради получения наживы, а иногда из-за страха за свою жизнь и здоровье.

В Чистюньском отделении Сибирского ИТЛ заключенные отрицательной направленности в количестве 9 человек систематически не работали, избивали других заключенных, в столовой насильно отбирали продукты питания у поваров, грозя им расправой, в бараках часами играли в карты, похищали дрова, продавали украденные казенные вещи (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 181. Л. 27).

Злостные нарушители режима строго наказывались вплоть до высшей меры наказания. В 1930 г. заключенные Сиблага, работавшие на кирпичном заводе Сиблona, П.С. Гулин, И.С. Пожитко, Я.И. Галицкий, В.Н. Маринин были расстреляны. Аналогичные меры воздействия были предприняты в отношении з/к Мариинского отделения Ф.А. Мурана, К.В. Серкова, М.С. Ганченко, А.К. Шестопалова, П.Р. Мануйлова, И.А. Старинского (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37. Л. 46).

Однако жесткие меры в отношении радикально настроенных представителей бандитско-воровской направленности приносили временные результаты, были не постоянные и во многом зависели от личных качеств руководителей исправительно-трудовых учреждений.

Серьезный теневой финансовый оборот «крутился» вокруг азартных игр. Представителями преступного сообщества организовывался и контролировался этот «подпольный бизнес». Карточный долг в местах лишения свободы считался «священным», проигравший не рассчитавшийся в срок рисковал своей жизнью и здоровьем.

Профессиональные карточные игроки были достаточно «зажиточными» людьми в неволе, которые могли позволить себе многое. Лежавшие на нарах с горами выигранного «тряпья», окруженные обслуживающими их другими заключенными, т. н. «шестерками», не работающие, хорошо питающиеся, во многих случаях умевшие найти контакт с представителями администрации исправительно-трудовых учреждений. В Чистюньском отделении Сиблага осужденные Г.П. Яковлев, Ф.Е. Кутузов, И.П. Леонтьев систематически не работали, играли в карты, осуществляли насильственные действия в отношении других заключенных (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 181. Л. 10).

Действенной мерой борьбы с «теневой экономикой» стали проверки финансовой деятельности подразделений Сиблага на территории Западной Сибири с помощью проведения различных ревизий и инвентаризаций. Отечественная правоохранительная система накопила достаточно богатый опыт осуществления ведомственного контроля (в том числе и в финансовой сфере), который начал формироваться еще после реформ Александра II в конце XIX в. (Суверов, Москвитин, 2021. С. 163).

В системе НКВД СССР только с 1936 г. началось проведение регулярных документальных ревизий денежно-материальных ценностей, для этой цели выделялись отдельные штаты ревизоров как в центре, так и в регионах, которые подчинялись ревизионному отделению финансового отдела НКВД, личный состав которого проводил плановые и внеплановые ревизии с целью определения финансовой дисциплины (Суверов, Мануйлов, 2023. С. 139).

Ревизоры проверяли финансовую отчетность подразделений ИТУ, вскрывая существующие недостатки, ходатайствовали о возбуждении уголовного преследования в отношении подозреваемых в хищении должностных лиц. Свою эффективность в борьбе с ТЭ показало активное использование агентурно-осведомительного аппарата, нацеленное на получение информации о злоупотреблении властными полномочиями материально-ответственных лиц, а также внедрение агентов в доверие к лидерам бандитско-воровского сообщества. «Вербовке» подлежали и профессиональные преступники, оперативные работники находили у них «слабые места», имевшиеся пороки (напри-

мер, жадность, склонность к алкоголизму, гордыню и т. д.), с помощью которых склоняли к сотрудничеству с органами НКВД.

На основании циркуляра по Управлению Сиблагом ОГПУ от 17 августа 1933 г. все заключенные имели право получать с «воли» посылки с продуктами и вещами в неограниченном количестве, кроме предметов, запрещенных к передаче (спиртные напитки, карты, режущие инструменты) (Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 111. Л. 15 об.).

Тщательно осматривались сотрудниками почтово-посылочной экспедиции письма и посылки, получателями которых значились з/к, изымались при этом находившиеся в конвертах деньги, другие посторонние предметы. Виновные лица в лице осужденных, наказывались (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ.) Ф.Р. 9401. Оп. 1а. Д. 35. Л. 17–20).

Усилило противостояние с «теневой экономикой» в ГУЛАГе создание отдела и отделения режима в 1939 г., регламентировавших свою служебную деятельность Инструкцией «О режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», Инструкцией «О работе цензуры в исправительно-трудовых лагерях и колониях», утвержденной Приказом НКВД СССР № 001418 от 21 ноября 1939 г., где прописывались действия для сотрудников пенитенциарной системы по борьбе с «промотами» вещевого довольствия, также категорически запрещалось использовать заключенных в качестве домашних работников (ГАРФ. Ф.Р. 9414. Оп. 1а. Д. 2989. Л. 46–50).

Таким образом, в подразделениях ГУЛАГа НКВД СССР Западной Сибири в 30-е годы прошлого столетия существовало такое явление, как «теневая экономика», когда возникали нелегальные, зачастую противоправные отношения финансовой направленности. В рассматриваемый период была создана достаточно громоздкая советская пенитенциарная система, состоящая из различных подразделений, где отбывало свое наказание или находилось под следствием значительное количество людского ресурса, изъятого из гражданской сферы страны. Содержание заключенных было организовано не самым лучшим образом, не хватало элементарных вещей, питание было недостаточное, а медицинское обслуживание зачастую услов-

ное. Все это способствовало проявлению «теневой экономики» в многочисленных «промотах», когда заключенные совершали кражи казенного имущества с целью их дальнейшей продажи. Весомый вклад в распространение ТЭ в местах лишения свободы внесли представители бандитско-воровского сообщества, активно нарушавшие режим содержания, организовывавшие азартные игры, совершавшие кражи, разбои, грабежи и другие преступные действия, представители уголовного мира при этом активно пользовались запрещенными предметами.

Ряд сотрудников и работников НКВД СССР активно применяли труд заключенных в личных, корыстных целях, организовывали нелегальное производство дефицитных на «воле» товаров народного потребления т. н. «ширпотреба», осуществляли хищения государственных средств, производили приписки в отчетах о своей производственной деятельности, за что получали премии и другие награды.

Список источников

Бикметов Р.С. Использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса (1930-е – начало 1950-х гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 6–2 (44). С. 91–98. EDN: PWLUYH.

Богданов С.В. Молодежь в сфере теневой экономики СССР (1917–1991 годы) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 1. С. 62–72. EDN: QJDLPF.

Головин С.Д., Шохин А.Н. Теневая экономика: за реализм оценок // Коммунист. 1990. № 1. С. 52.

ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. Коллективная монография. М. : РОССПЭН, 2008. 315, [3] с.

Дробышевская Т.А. Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15. № 4 (50). С. 22–34. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34. EDN: SDQTQD.

Захарченко А.В. Проблема стимулирования трудовой деятельности в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД-МВД в 1930-1950-е годы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2009. № 2. С. 163–172. EDN: KYKOLF.

Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства // Доклады Института российской истории РАН. 1997. № 2. С. 163–188. EDN: SEJDFF.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты : монография. М. : Наука, 2006. 437, [1] с. EDN: QBREKL.

Противостояние «теневой экономике» выразилось в усилении государственного контроля как со стороны ведомственных финансовых подразделений, так и руководства различного уровня в системе ГУЛАГа, в ужесточении соблюдения режима содержания, активном проведении занятий по политической подготовке с личным составом НКВД, где провозглашались коммунистические идеалы, подвергались критике «мещанские пережитки», стремление к обогащению, «красивой» жизни, разъярялись карательные государственные меры в отношении правонарушителей.

В целом полностью искоренить факты «теневой экономики» в ГУЛАГе в 30-е годы прошлого века на территории Западной Сибири только ужесточением наказания, усилением контроля, увеличением воспитательных мероприятий не представлялось возможным в связи с серьезными причинами ее возникновения и проявлениями в различных формах.

References

Bikmetov R.S. (2004) The use of prisoners' labor in the Kuzbass coal industry (1930s - early 1950s). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. No. 6-2 (44). P. 91-98. (In Russ.). EDN: PWLUYH.

Bogdanov S.V. (2013) Young people in the shadow economy of the USSR. *Historical psychology and sociology of history*. Vol. 6. No.1. P. 62-72. (In Russ.). EDN: QJDLPF.

Golovin S.D., Shokhin A.N. (1990) Shadow economy: for the realism of assessments. *The Communist*. No. 1. P. 52. (In Russ.).

Borodkin L.I., Gregori P., Khlevnyuk O.V. (2008) GULAG: economics of forced labor. A collective monograph. Moscow: ROSSPEN. 315, [3] p. (In Russ.).

Drobyshevskaya T.A. (2023) Results and lessons of GULAG system implementation in historical perspective. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. Vol. 15. No. 4 (50) P. 22-34. (In Russ.). DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34. EDN: SDQTQD.

Zakharchenko A.V. (2009) The problem of stimulation of labor activity in the system of NKVD correctional labour facilities in the 1930s-1950s. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. No.2 P. 163-172. (In Russ.). EDN: KYKOLF.

Ivanova G.M. (1997) GULAG in the system of a totalitarian state. Reports of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. No. 2. P. 163-188. (In Russ.). EDN: SEJDFF.

Ivanova G.M. (2006) History of the Gulag, 1918-1958: socio-economic and political-legal aspects. *Monografiya*. Moscow: Nauka. 438 p. (In Russ.). EDN: QBREKL.

Малкова Ю.А. Алтайские тюрьмы в конце 30-х гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 101–103. EDN: RWXead.

Науменко О.Н., Альмухаметова М.Ш., Пинигин М.Г. Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII – начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 436–453. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. EDN: ENDSBF.

Ногина Е.В., Урмаева К.А. Механизмы хищения государственной собственности в условиях плановой экономики 1930-х годов // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–2. С. 322–334. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-322-334. EDN: JDRYME.

Нуреев Р.М., Греченко А.И. Реформы и застой в советской экономике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 134–165. EDN: RSHNCR.

Ореховский П.А. Статистические показатели и теневая экономика // Российский экономический журнал. 1996. № 4. С. 77–83. EDN: YWNMPJ.

Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Ведомственный контроль за деятельностью органов внутренних дел в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX в.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2 (81). С. 162–168. DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Суверов Е.В., Мануйлов Е.В. Система контроля и проверок в органах внутренних дел Западной Сибири (50–60-е годы XX века) // Клио. 2023. № 2 (194). С. 135–141. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Тимохова Е.А. К вопросу об использовании принудительного труда в советской пенитенциарной системе // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2015. № 4 (20). С. 48–50. EDN: VNTVJL.

Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям, сотрудниками правоохранительных органов, в местах лишения свободы (на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.) // Клио. 2023. № 5 (197). С. 99–103. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Уйманов В.Н. Роль Сиблага ОГПУ в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1 (4). С. 37–42. EDN: RWMPYT.

Уйманов В.Н. Спецпереселенцы в системе Сибирского ИТЛ (СИБЛАГА) ОГПУ-НКВД в 1930-х годах // Инновационная наука. 2016. № 2–5 (14). С. 58–66. EDN: VLRTOR.

Упоров И.В. ГУЛАГ в экономике СССР (1917–1945 гг.) // Интеграция наук. 2017. № 5 (9). С. 211–214. EDN: ZAYYUV.

Malkova Yu.A. (2012) Altai prisons in the late 30s. XX century. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (22). P. 101-103. (In Russ.). EDN: RWXead.

Naumenko O.N., Al'mukhametova M.Sh., Pinigin M.G. (2023) Labor activity of convicts in conditions of humanization of imprisonment in late 18th - early 21st centuries (Western Siberia) *Scientific dialogue*. Vol. 12. No. 2. P. 436-453. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. EDN: ENDSBF.

Nogina E.V., Ushmaeva K.A. (2020) Mechanisms of stealing state property in a planned economy of the 1930s. *Teacher XXI century*. No. 4-2. P. 322-334. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2020-4-322-334. EDN: JDRYME.

Nureev R.M., Gretchenko A.I. (2008) Reforms and stagnation in the Soviet economy. *Historical and Economic Research*. Vol. 9. No. 3. P. 134-165. (In Russ.). EDN: RSHNCR.

Orekhovskii P.A. (1996) Statistical indicators and the shadow economy. *Russian Economic Journal*. No. 4. P. 77-83. (In Russ.). EDN: YWNMPJ.

Suverov E.V., Moskvitin Yu.N. (2021) Departmental control over internal affairs bodies' activities in Western Siberia (late 19th - first half of the 20th century). *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 27. No. 2 (81). P. 162-168. (In Russ.). DOI: 10.24412/1999-625X-2021-2-162-168. EDN: ATHIKZ.

Suverov E.V., Manuilov E.V. (2023) The system of control and inspections in the internal affairs bodies of Western Siberia (50-60s of the XX century). *Clio*. No. 2 (194). P. 135-141 (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_135. EDN: XZLWLC.

Timokhova E.A. (2015) To the question of the use of forced labor in the soviet penitentiary system. *Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*. No. 4 (20). P. 48-50 (In Russ.). EDN: VNTVJL.

Trukhin M.A. (2023) Counteraction to shadow economic relations, by law enforcement officers, in places of deprivation of liberty (on the example of Western Siberia in the 30-50s of the XX century). *Clio*. No. 5 (197). P. 99-103. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_05_99. EDN: IKGMDQ.

Uimanov V.N. (2011) The role of Sibltag OGPU in economical development of Western Siberia in the 1930-th. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. No. 1 (4). P. 37-42. (In Russ.). EDN: RWMPYT.

Uimanov V.N. (2016) Special settlers in the system of the Siberian ITL (SIBLAG) OGPU-NKVD in the 1930s. *Innovative Science*. No. 2-5 (14). P. 58-66. (In Russ.). EDN: VLRTOR.

Uporov I.V. (2017) GULAG in the economy of the USSR (1917-1945). *Integration of Sciences*. No. 5 (9). P. 211-214. (In Russ.). EDN: ZAYYUV.

Информация об авторе

Трухин Максим Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент, директор,
Алтайский институт экономики Санкт-Петербургского
университета технологий управления и экономики,

Information about the author

Maxim A. Trukhin,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director,
Altai Institute of Economics St. Petersburg University of
Technology Management and Economics,

656011, г. Барнаул, пр. Ленина, 106е, Россия,
e-mail: trukhin1975@bk.ru

106e, Lenin Avenue, Barnaul 656011, Russia,
e-mail: trukhin1975@bk.ru

Вклад автора

Трухин М.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 23 июня 2024 г.; принята к публикации 8 июля 2024 г.

Contribution of the author

Trukhin M.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 13, 2024; approved after reviewing June 23, 2024; accepted for publication July 8, 2024.